

На правах рукописи

Руднева Екатерина Алексеевна

**СТРАТЕГИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВЕЖЛИВОСТИ
В СПОНТАННОМ РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Санкт-Петербург – 2018

Работа выполнена в отделе языков народов России
ФГБУН Институт лингвистических исследований Российской академии наук

Научный руководитель: **Головко Евгений Васильевич**, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, директор Института лингвистических исследований РАН, заведующий отделом языков народов России Института лингвистических исследований РАН, профессор факультета антропологии Автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге»

Официальные оппоненты: **Подлеская Вера Исааковна**, доктор филологических наук, профессор Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета
Добрушина Нина Роландовна, доктор филологических наук, доцент, заведующая Международной лабораторией языковой конвергенции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор Школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Защита диссертации состоится «   »   2019 года в   на заседании диссертационного совета Д 002.006.03 при ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д.1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д.1, стр. 1, а также на официальном сайте Института языкознания РАН по адресу: <http://iling-ran.ru/main/theses/rudneva>.

Автореферат разослан «   »   _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Сидельцев А. В.

Общая характеристика работы

Данное диссертационное исследование посвящено реализации вежливости в спонтанном (т.е. неподготовленном и не спровоцированном исследователем) речевом взаимодействии. Под лингвистической вежливостью¹ понимаются средства и стратегии, направленные на поддержание социальных лиц² (далее – СЛ) участников коммуникации и маскировку возникающей угрозы их СЛ. Опираясь на модель П. Браун и С. Левинсона, можно предположить, что забота о СЛ участников будет ярче проявляться в так называемых *опасных* ситуациях, например, когда нужно обратиться с просьбой. В фокусе настоящей работы находятся стратегии лингвистической вежливости, используемые при реализации директивных речевых актов³ (далее – РА) или шире – при побуждении к действию.

Актуальность темы обусловлена тем, что изучение вежливости, возникшее как направление лингвистической прагматики, на сегодняшний день приобрело столь важное значение, что выделилось в отдельную междисциплинарную область. Под эгидой международной Группы по изучению лингвистической вежливости выпускается специализированный журнал «Journal of Politeness Research» и ежегодно проводятся конференции. Обширная библиография постоянно пополняется новыми работами на материале разных языков и культур. При этом данными для исследований русской вежливости становятся, как правило, не записи спонтанного речевого взаимодействия, а результаты анкетирования и разнообразные письменные источники, изредка дополненные наблюдениями авторов.

---

¹Хотя термин *linguistic politeness* скорее должен переводиться как *языковая вежливость*, т.к. прилагательное относится к языку, а не к лингвистике, в работе используется вариант, ставший традиционным для данной области. Нужно также пояснить, что термин *стратегия* не говорит о том, что какие-то языковые средства используются обязательно намеренно, а обозначает закономерности, выявленные исследователем.

²*Социальное лицо* (face) – «позитивная социальная ценность, эффективно утверждаемая человеком через линию поведения, которой он придерживается в конкретном взаимодействии»: Goffman E. On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction / Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Pantheon Books, 1967. P. 5–46. С. 5.

³По Дж. Серлю, директивные РА «представляют собой попытки ... со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий ... совершил» какое-то действие: они «могут быть и весьма скромными «попытками», как в случае, когда я приглашаю вас сделать нечто или предлагаю вам это ненавязчивым образом; но они могут представлять собой и весьма агрессивные попытки»: Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194. С. 182.

Директивным РА, особенно просьбам, посвящено огромное количество лингвистических исследований, но существует чрезвычайно мало работ на русском материале, где бы подробно анализировались записи спонтанной коммуникации (за исключением статей Г. Болден, Ю. Барановой и М. Дингеманс и нек. др.). То, как происходит побуждение во взаимодействии лицом к лицу (face-to-face interaction), представляет собой интерес как в рамках изучения вежливости, так и шире – лингвистической прагматики.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые изучаются языковые аспекты вежливости на материале спонтанной коммуникации на русском языке в конкретных группах, при этом последовательно используются методы этнографии речи. В фокусе диссертации оказывается реализация стратегий вежливости во взаимодействии лицом к лицу при решении повседневных задач.

Объектом настоящего исследования является спонтанное речевое взаимодействие, в процессе которого осуществляется побуждение к действию.

Предметом исследования являются стратегии лингвистической вежливости, реализуемые в процессе спонтанного речевого взаимодействия в двух коллективах – одном мужском и одном женском.

Целью исследования является выявление и описание средств и стратегий лингвистической вежливости в спонтанном речевом взаимодействии внутри коллектива.

В работе ставятся следующие **исследовательские вопросы**:

- Какие стратегии лингвистической вежливости используются в спонтанном речевом взаимодействии внутри двух разных коллективов?
- Как оформляются речевые действия, направленные на побуждение, и как организованы соответствующие последовательности реплик во взаимодействии внутри двух коллективов?
- Как особенности осуществления стратегий лингвистической вежливости связаны с идентичностью (корпоративной и гендерной) и властными полномочиями участников коммуникации?
- Как связаны реализация директивных РА и их оценки участниками?

Для того чтобы получить ответы на поставленные вопросы, в работе решаются следующие **задачи**:

- сбор материала, а именно аудио- и видеозапись спонтанного речевого взаимодействия;
- наблюдение за коллективами (в том числе включенное);
- отбор и анализ диалогов, в которых происходит побуждение к действию;
- лингвистический анализ собранного материала: анализ иллокутивной силы высказываний, синтаксических структур и интонационных конструкций директивных РА;
- выделение стратегий и средств лингвистической вежливости, которые используются в изучаемых коллективах;
- проведение и анализ интервью с участниками взаимодействия.

Материал настоящего исследования составили аудио- и видеозаписи спонтанной устной коммуникации, сделанные в двух рабочих коллективах. Изучаемые группы – это административный персонал языковых курсов и полевой отдел гидрографической компании. Это в той или иной степени институциональное взаимодействие, участники которого ориентируются на рабочие цели и задачи. Важно, что рабочие коллективы представляют собой сплоченные группы людей, объединенных общей деятельностью и регулярно взаимодействующих в соответствии с локальными правилами и ожиданиями.

Теоретико-методологической базой диссертационного исследования послужили модель лингвистической вежливости П. Браун и С. Левинсона, принципы лингвистической антропологии (А. Дуранти) и этнографии речи (Д. Хаймс), традиции анализа русской разговорной речи, заложенные в работах Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Е. Н. Ширяева, Л. П. Якубинского, О. С. Иссерс и др., некоторые положения конверсационного анализа (Х. Сакс, Э. Шеглофф и Г. Джефферсон, П. Дрю и Э. Купер-Кюхлен, А. Померанц и Б. Фер, Дж. Росси и др.), интеракционной социолингвистики (И. Гофман) и теории РА (Дж. Остин, Дж. Серль); принципы прагматики (С. Левинсон, Дж. Лич); расширенное понятие *community of practice* (П. Экерт); работы по проблематике русского императива (В. С. Храковский и А. П. Володин, Е. В. Падучева и др.) и интонации (Е. А. Брызгунова, С. В. Кодзасов);

исследования, посвященные изучению вежливости во взаимодействии лицом к лицу (Дж. Лич, М. Хо и Д. Кадар, Дж. Калпепер, К. Грейнджер, Н. Гейер, С. Миллз, Р. Арандейл, Д. Бусфильд, М. Лохер, Дж. Холмс и М. Стаб), а также лингвистические работы по русской вежливости (Р. Ратмайр, Т. В. Ларина, В. В. Леонтьев и др.).

В рамках модели лингвистической вежливости Браун и Левинсона, директивные РА считаются *опасными*, т.к. несут угрозу СЛ говорящего (есть риск отказа) и собеседника (на свободу действий которого «покушаются»). Для смягчения этой угрозы применяются *стратегии лингвистической вежливости*, реализуемые при помощи различных лексико-грамматических, просодических, невербальных средств. Быть вежливым означает вести себя так, чтобы участникам коммуникации было комфортно, что включает соблюдение необходимой дистанции при демонстрации солидарности. С помощью средств *негативной* (дистанцирующей) вежливости говорящий показывает, что уважает свободу действий собеседника; сюда относятся и формальные, этикетные выражения, принятые в данном обществе. *Позитивная* (солидарная) вежливость направлена на демонстрацию близости участников коммуникации.

Следует отметить, что *лингвистическая вежливость*, по Браун и Левинсону (назовем ее *вежливостью 2* вслед за сложившейся традицией в этой области), отличается от представлений обычных носителей языка (*вежливости 1*). *(Не)вежливость 1* ((im)politeness 1 – данный термин покрывает весь спектр феномена и является наиболее популярным в англоязычной литературе) проявляется через оценки поведения участниками или свидетелями. Как правило, привычные действия проходят незамеченными, поэтому в диссертации *(не)вежливость 1* рассматривается в разделах, посвященных случаям грубости.

Побуждение к действию предполагает, так или иначе, участие обоих собеседников. Поэтому в фокусе внимания оказываются последовательности реплик, прежде всего, *примыкающие пары* (по Э. Шеглоффу и Х. Саксу), например, просьба и ответ на нее, который может быть *предпочтительным* (согласие) или *непредпочтительным* (отказ). Непредпочтительные ответы обычно являются более развернутыми и косвенными, сложнее по структуре и следуют после некоторой паузы, потому что несут более серьезную угрозу СЛ

участников и, соответственно, требуют большего смягчения. В настоящей работе в центре внимания оказывается в целом процесс *вовлечения кого-либо в деятельность* (recruiting) (по П. Дрю и Э. Купер-Кюхлен), под которым понимается использование любых средств для достижения цели с помощью другого участника. Побуждение к действию рассматривается как совместная деятельность, осуществляемая в ходе межличностного взаимодействия.

Основой **методологии** диссертационного исследования являются принципы этнографии речи (по Д. Хаймсу), которые занимают центральное место в лингвистической антропологии (в том понимании данной дисциплины, которое предлагается в работах А. Дуранти). Лингвоантропологический подход подразумевает тщательное изучение отдельных случаев с максимальным учетом контекста, в который включается ситуация, социальные роли собеседников, их деятельность и поведение, ход самого диалога, создающего контекст, выбор языковых единиц, жанр, фоновые знания участников. Для интерпретации речевых действий (как участниками, так и исследователем) также важно соотнесение происходящего с определенным *типом ситуации* (по С. Левинсону). Другой важной составляющей такого подхода является внимание к мнению носителей языка – членов изучаемой группы, с которыми проводится интервью. При этом наиболее ценным материалом считаются рассуждения участников, не спровоцированные исследователем.

Основными **методами сбора материала** для настоящей работы стали запись на диктофон или видеокамеру и наблюдение, которое также дополнялось интервьюированием участников в форме свободной беседы. Кроме того, важным источником сбора данных является такой широко известный метод этнографии речи, как включенное наблюдение, когда исследователь становится частью изучаемой группы. Сотрудники первого (мужского) коллектива дали принципиальное согласие на сплошную запись их речи, а один из них периодически включал диктофон на телефоне. В дополнение к этому за коллективом осуществлялось наблюдение во время 10-дневного выездного проекта и спортивных тренировок. Во втором (женском) коллективе длительное включенное наблюдение (1,5 года) с ведением дневника и записью на диктофон дополнялось возможностью использовать видеоматериалы. Видеокамеры

установлены в помещении курсов и постоянно включены; как клиенты, так и все сотрудники знали о наличии камер и давно к ним привыкли, поэтому можно считать, что влияние этого обстоятельства на коммуникацию было минимальным. Сотрудники были осведомлены о проведении исследования и имели возможность принять в нем прямое участие: пройти интервью и записать примеры просьб.

Из аудиозаписей (15 часов в мужском коллективе и 5 часов в женском) и видеозаписей (15 часов в женском) были отобраны отрывки, где так или иначе происходит побуждение к действию. Корпус составили 160 случаев совершения директивных РА, по 80 в каждой группе. При создании транскрипции за основу взяты принципы, принятые в исследованиях по *конверсационному анализу*.

В работе применяется интеракционный подход, позволяющий объединить модель Браун и Левинсона, приемы конверсационного анализа и принципы этнографии речи. Тот факт, что детальное изучение коммуникации проводилось в сообществах, за которыми велось наблюдение и с которыми автор хорошо знаком, позволило более обоснованно приписывать речевым действиям характеристики позитивной или негативной вежливости. Это отличает настоящее исследование от большинства работ, где любая единица, соответствующая тем, что были описаны Браун и Левинсоном, почти автоматически помещается в ту или иную рубрику.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Побуждение к действию и смягчение возникающей при этом угрозы может осуществляться всеми участниками на протяжении нескольких обменов репликами. Заботой участников о СЛ друг друга отчасти обусловлен не только выбор языковых средств, но и организация дискурса (последовательность реплик и действий). В вежливости, помимо собственно языкового аспекта, можно выделить интеракционный, а именно, особенности организации взаимодействия, через которые проявляется совместная деятельность участников по поддержанию СЛ.

2. Интеракционные стратегии вежливости реализуются собеседниками именно во взаимодействии лицом к лицу и не могут быть обнаружены при анализе отдельных стандартных РА. К числу таких стратегий относится

предварение просьбы вопросами и намеками, позволяющее совместными усилиями смягчить опасный РА или избежать его. Одним из аспектов позитивной вежливости является поддержание общей идентичности участников с помощью интеракционных стратегий, принятых в данном коллективе – таких, как подтрунивание, которое может осуществляться сразу несколькими собеседниками. Интеракционный подход позволяет изучать стратегии вежливости в коммуникации методами этнографии речи и конверсационного анализа.

3. Анализ структур не является достаточным для определения значения речевого действия с точки зрения вежливости, нужно учитывать всю совокупность языковых и паралингвистических средств, а также место в последовательности реплик и ситуацию. Роль просодики оказывается одной из ключевых в спонтанном взаимодействии.

4. Властные полномочия выражаются определенными лингвистическими и дискурсивными признаками, в первую очередь, «правом» оформлять указания без смягчения (в том числе интонационного), если действие входит в обязанности подчиненного.

5. Принципы вежливости, лежащие в основе взаимодействия, реализуются через стратегии, имеющие свою специфику в разных группах. Опираясь на наблюдение, можно сказать, что определенные языковые единицы и коммуникативные приемы закономерно реализуют стратегии вежливости в конкретном коллективе.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит вклад в дискуссию об универсальности и культурной специфичности принципов пользования языком, а также расширяет представления о возможном моделировании лингвистической вежливости. Сопряжение различных подходов к анализу материала позволяет показать вариативность реализации директивных РА в речи, фиксируя разнообразные языковые и неязыковые средства, участвующие в передаче иллокуции, а также всесторонне описать реальное функционирование языка, что является приоритетной задачей таких разделов языкознания, как социолингвистика и прагматика.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно дает возможность прикладного использования его результатов для предотвращения коммуникативных неудач на рабочем месте и составления рекомендаций по налаживанию институционального взаимодействия. Кроме того, детальное описание использования русского языка в разнообразных коммуникативных ситуациях может найти применение в таких областях, как преподавание русского языка в качестве иностранного, а также в теоретических и практических курсах по межкультурной коммуникации, этнографии речи, социолингвистике.

Апробация работы

Основные положения и выводы исследования прошли апробацию на исследовательском и социолингвистическом семинарах факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (6 докладов). Доклады по результатам исследования были представлены на следующих конференциях: XLIV, XLV, XLVI, XLVII Международные филологические конференции (Санкт-Петербург, 2015, 2016, 2017, 2018); Четвертая и Седьмая научные конференции молодых ученых «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» (Санкт-Петербург, 2015, 2018); The 9th International Im/Politeness Conference «Im/politeness and Globalisation» (Афины, 2015); VIII International Symposium on Intercultural, Cognitive and Social Pragmatics (Севилья, 2018).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и двух приложений.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснована актуальность исследования, сформулированы цели и задачи, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы и перечислены положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** рассматриваются основные подходы к изучению вежливости, директивных РА и спонтанного речевого взаимодействия. Обосновывается выбор интеракционного подхода, сопрягающего модель Браун и Левинсона, принципы этнографии речи и приемы конверсационного анализа. Здесь же описаны методы сбора и анализа материала, применяемые в настоящей работе.

Подробно рассмотрены три волны изучения вежливости, а также такие более узкие направления, как исследование вежливости в гендерном аспекте и в рамках подхода *community of practice*. Работы по изучению вежливости первой волны опирались на прагматические модели, сформулированные в виде универсальных принципов, из которых наиболее известной стала теория П. Браун и С. Левинсона. Эта модель подверглась проверке на материале других культур и соответствующей критике. При этом большинство исследований, основанных на теории Браун и Левинсона, осуществлялось на материале, полученном в ходе анкетирования, и игнорировало внутриязыковые различия, возникающие в ходе естественной коммуникации.

Подходы второй и третьей волн изучения вежливости дали возможность пристальнее взглянуть на поддержание отношений в естественном взаимодействии. *Дискурсивный* подход, более антропологический по сути, расставил приоритеты в выборе материала исследования и вывел на передний план не отдельные реплики, к тому же полученные в ходе эксперимента, а записи спонтанных диалогов. В центре внимания оказывается неоднородность и динамичность вежливости, которая представляет собой один из аспектов межличностной коммуникации. Именно по этой причине для изучения *(не)вежливости I* (представлений носителей и их оценок) стали широко применяться этнографические методы: сплошная запись речи на диктофон, наблюдение (в том числе включенное) и интервью с участниками взаимодействия.

Понятие *community of practice* становится базой для детального изучения взаимодействия внутри сплоченного коллектива. В настоящей работе, вслед за П. Экерт, *сообщество* понимается как группа людей, вовлеченных в совместную деятельность на регулярной основе. В результате общего занятия, в том числе профессионального, создается пространство, где возникают и языковые практики.

В исследованиях вежливости третьей волны впервые начинает использоваться интеракционный подход, сопрягающий элементы модели Браун и Левинсона и приемы разговорного анализа, а также принципы лингвистической антропологии. В рамках этого подхода, который используется

в настоящей диссертации, в центре внимания оказывается взаимодействие лицом к лицу: то, как участники, решая повседневные задачи, выстраивают отношения.

Во **второй главе** рассмотрены диалоги, записанные в мужском коллективе – полевом отделе компании У. Были выбраны отрывки, в которых содержатся директивные РА или те, в которых один человек так или иначе обращается за помощью к другому. Рассмотрим пример диалога, где побуждение к действию осуществляется на протяжении нескольких обменов репликами⁴:

1.Л: Серега! (1.1) а, Серега!

2.С: да, Лех?

3.Л: а размерчики этих платок отдельно у тебя есть?

4.С: слушай, нету, к сожалению, бл

5.Л: и в он-лайне их нету, да?

6.С: и в он-лайне их нет, да.

7.Л: ну так, навскидку?

8.С: слушай, ну, навскидку, ну давай, сча прикину, не проблема

В данном контексте реплика 3 представляет собой *предварение просьбы* (pre-request), под которым понимается вопрос, задаваемый с целью уточнить возможность выполнения действия. Отрицательный ответ (4) оформлен как непередпочтительный: угроза, возникающая при отказе, смягчается единицей «слушай» и выражением сожаления: с одной стороны, проявление искреннего участия к потребностям собеседника является солидарной стратегией, с другой, формальные единицы относятся к средствам негативной вежливости. Этот пример демонстрирует, как один РА может обладать характеристиками как позитивной, так и негативной вежливости. За отрицательным ответом (4) следуют еще два вопроса (5, 7), *провоцирующие* собеседника на *предложение помощи* (8).

Предварение просьбы с последующим предложением помощи рассматривается как интеракционная стратегия вежливости, реализуемая всеми участниками. Готовность предложить помощь крайне важна для поддержания корпоративной идентичности. Отрицательный ответ не воспринимается собеседниками как блокирующий: они ищут какой-нибудь вариант решения, например, обращаются за помощью к третьему лицу, свидетелю разговора: «Че

---

⁴ Обозначения, используемые в транскрипции диалогов, представлены на с. 19 автореферата.

такое? Ой, это я не знаю. Это вот, специалист сидит». Члены мужского коллектива обычно стараются избегать РА просьбы, в т. ч. через предварение вопросами и намеками.

К практикам поддержания общей идентичности относится подтрунивание, вид спонтанного юмора, цель которого – поддразнить, но не обидеть собеседника (как объяснил сотрудник, «чем больше тебя стебут, тем ты более близок»). Реализация этой стратегии в данной группе носит упорядоченный, ожидаемый характер. Подтрунивание осуществляется через продолжение чужой реплики или повторение слов собеседника с вариациями в интонации, причем иногда сразу несколькими участниками, перерастая в состязание в остроумии. В следующем примере подтрунивание участвует в смягчении отказа:

9.В: маркер тебе не нужен больше?

10.Е: <ТВОЙ/? твой МА/РКЕР? нужен ли мне твой МА/РКЕР>?

11. (В. смеется, Е. смеется)

12.Е: пока нужен. если он тебе/ не нужен срочно? вот у меня лежит здесь, да. [не нет он лежит вот на столе у меня

13.В: [да не оставь (нрзб) забыл не забыл

[<вот он. лежит. вот он лежит. на столе>

[14.Е: да, я еще буду маркировать

Здесь ответом на предварение просьбы (9) становится подтрунивание – переспрос с иронической интонацией (10). Эффект иронической интонации достигается за счет усиления громкости и изменения тембральной окрашенности акцентоносителей; коммуникативная успешность этого действия подтверждается реакцией – ответным смехом обоих участников (11). Евгений дает отрицательный ответ, смягчая угрозу отказа вопросом и пояснением (12), таким образом проявляя заботу о потребностях собеседника. Влад отказывается от первоначальной линии, а затем подтрунивает над словами Евгения, повторяя их с паузами и иронической интонацией (13).

Коммуникативный стиль, принятый в полевом отделе компании У., имеет ряд других характерных черт, к которым относится обильное использование ненормативной лексики; языковая игра и словотворчество (например, «я еще буду маркировать» (14) или частичная правая редупликация: «ни тарировки, ни **евки»); отсылка к историям, известным только членам коллектива и ставшим

местными байками; эротические шутки (которые можно отнести к практикам *коллективной маскулинности* по П. Мартин). Эти коммуникативные приемы в определенных контекстах закономерно реализуют стратегии позитивной вежливости, участвуя в поддержании общей идентичности. К другим стратегиям лингвистической вежливости, описанным для данного коллектива, относятся пояснение и аргументация, отсылка к своему опыту, беседа на нерабочие темы, признание вины и разделение ответственности.

В институциональном взаимодействии исследуемых групп атаки на СЛ собеседника относительно редки, а если и случаются, то они, скорее, не приводят к эскалации конфликта. Например, в диалоге, где начальник отчитывает подчиненного за неправильное заполнение полевого отчета и советует, как лучше заполнять документ, выделены следующие случаи атак на СЛ собеседника: саркастическое использование средств вежливости в соответствующем контексте («Нет, Женечка, открой-ка другие журнальчики и там точно такая же **ня»); передразнивание – цитирование собеседника с саркастической интонацией («Да, бл*, галс номер, там, такой-то такой-то, “говно данные” написано»); доведение до абсурда реплики собеседника («Писать в журнал! Напиши на стенке слово “**й”, бл*!»); саркастическая похвала («Молодец! Оксана, чем ей легче оттого, что ты посмотрел свои данные?»); критика без смягчения («не журнал у вас, бл*, а кусок говна, бл*»). Помимо того, что начальник ругает подчиненного за недостаточно четкое ведение журнала, он объясняет, как это нужно делать, предлагая различные варианты решения проблемы нехватки времени:

15.Р: вот я и говорю. когда все п*ц-п*ец, запиши потом, вечером.

[я знаешь как делаю Жень?

16.Е: да когда я тебе зап? нет. когда во время галса. какой галс там да когда эта волна пришла или там что-то случилось понимаешь

17.Р: не важно, потом просто пишешь в примечаниях, что была такая **ня. форма, все вот, берешь ее ПЕЧАТАешь прям

18.Е: (нрзб) (жует сухарики)

19.Р: <и РУЧЕЧКОЙ заполняешь>. а лучше карандашиком бл*

Здесь можно говорить о прагматике использования целого пучка языковых средств: его составляют структура (индикатив, наст. вр., 2 л.), саркастическая

интонация, диминутивные суффиксы и ненормативная лексика, которые в комбинации употребляются для выражения насмешки (19). Таким образом, при анализе директивных РА учитываются в комплексе структура и другие лексико-грамматические средства, просодический компонент, контекст. Саркастическая интонация может изменить смысл высказывания на диаметрально противоположный.

На примере диалогов с участием начальника видно, как властные полномочия проявляются в дискурсе. В частности, было отмечено, что именно начальник совершает большинство директивных РА (в т.ч. с предикатами с семантикой долженствования) и что над ним, как правило, не подтрунивают. В режиме ограниченного времени и совместной работы взаимодействие, в том числе с начальником, организуется скорее как равностатусное, например, к вышестоящему: «Врубай запись!».

Сопряжение подходов позволяет всесторонне анализировать случаи, когда какой-то РА был оценен как невежливый участниками коммуникации, и разобраться в причинах такой оценки. Кроме того, метапрагматические комментарии несут важную информацию о наивных представлениях носителей. Все примеры невежливого поведения, о которых рассказывали в спонтанных беседах участники, касались именно «неправильных» директивных РА. В частности, директив был воспринят как грубый, когда был выполнен начальником в форме приказа (т.е. без смягчителей, с соответствующей интонацией), хотя действие не входило в обязанности подчиненного, чем он долго возмущался: «типа не попросил меня, а сказал, типа, Женя, там вот я тебе скинул номер человека, надо позвонить, надо съездить».

В **третьей главе** анализируются диалоги, записанные среди руководства и администрации компании X. Особенности реализации директивных РА здесь отчасти связаны со спецификой организации труда: во-первых, распоряжения руководства должны быть оформлены в письменном виде и отправлены по электронной почте; во-вторых, руководители не присутствуют на рабочем месте постоянно, выполняя большую часть работы дистанционно. Помимо повседневной рутинной коммуникации, анализировалось взаимодействие в таких ситуациях, как совещание, собрание, день открытых дверей. Поэтому в

коммуникации, по сравнению с первым коллективом, ярче выражен институциональный аспект.

Помимо единичных РА, которые соответствуют наивным представлениям носителей о просьбе или указании, в спонтанном взаимодействии фиксируются «серийные» директивы, выдаваемые как бы порциями через соответствующие ответные реплики, например:

20.К: нам очень надо человека в стартер который начался у Тани Сидоровой (3.0)

21.Е: хорошо

22. (К. смеется)

23.Е: нху-у

24.К: и еще в пре:шку

25.Е: а сколько там всего занятий было? (1.3)

26.К: с двадцать седьмого января

27.Е: угм (1.2) *хорошо* (3.3)

28.К: и в интер-два: еще тоже нужно кого-нибудь (нрзб)

29.Е: ну тут слуште, сегодня всего три человека ну как бы

30.К: ну ма:ло ли, вдруг *вдруг они прямо вот* на стартер, на прешку и на интер-два=

31.Е: =ну хорошо=

32.К: =ну просто интер-два не си:льный, Маша сказала что туда можно какого-нибудь, сильного (1.2) интера или пре-два даже

33.Е: а, хорошо, я поняла. интер-два. хорошо.

В данном диалоге администратор Ксения просит академического директора Екатерину по возможности направить потенциальных клиентов на тестировании в ту или иную группу: на уровне Starter, Pre-Intermediate («прешка») и Intermediate-2 («интер-два»). При этом высказывания Ксении (20, 24, 28, 30, 32) можно рассматривать как развертку одного большого директива, который содержит в себе черты инструктирования и просьбы. Директивные РА оформляются как просьбы в репликах 30, 32, когда Екатерина отвечает не согласием, как в предыдущих случаях, а указанием на некоторые препятствия, которые могут помешать выполнить действие. Уговаривание здесь маркируется растягиванием ударного гласного («И еще в пре:шку», «Ну, ма:ло ли»).

Стратегия РА по Браун и Левинсону определяется не только грамматической формой, но и в некоторых случаях контекстом. В описанном

примере РА с модальным предикативом *надо* является конвенционально косвенным (20), а в других – прямым, когда он произносится вышестоящим и сопровождается просодическим усилением («надо решить вопрос с ее опозданием, строго»; «Вике надо ей позвонить и сказать, значит, кроме того, что она портит имидж школы).

Полуофициальные совещания и собрания администрации проводит исполнительная директор Анна. К признакам, указывающим на ее властные полномочия, относятся продолжительность устных высказываний без смены очереди и эксклюзивное право менять тему разговора. Директивные РА при инструктировании совершаются ею в прямой форме, не предполагающей возможность невыполнения действия: «Младшие администраторы приходят к двум и сидят в отдельном классе, не со старшими администраторами, и звонят до бесконечности»; «Неходяшек обзвонить». Форма 1 лица множественного числа индикатива настоящего времени в случае руководителя, необязательно предполагая ее включенность в действие, реализует скорее смягченный вариант: «с завтрашнего дня начинаем обзванивать людей, в этот период я обычно смотрю базу», «ни одного человека не выпускаем из наших рук». Во многих указаниях начальницы строгость усиливается с помощью различных средств: просодических (более четкого расчленения слогов, замедления темпа), эксплицитного выражения власти («меня как руководство»), повторов с добавочным акцентным ударением на лексических единицах, связанных с выражением власти («меня лично, лично меня»).

На совещании, вопросы которого касаются не только коммерческой, но и академической стороны, директивные РА Анны не так категоричны. В частности, в диалоге, где обсуждается крайне опасное действие – сообщение преподавателям об ужесточении внутренних правил, ее указание вводится, обсуждается и поправляется на протяжении нескольких десятков обменов репликами. На примере речи Анны демонстрируется необычайная гибкость идентичности: она выступает то как строгий начальник, вводя новые штрафы для сотрудников, то как близкая подруга других руководителей (которой при этом нельзя отказать), то как покорный исполнитель поручений (в общении с проверяющей комиссией).

В поддержании общей идентичности играет роль такая локальная практика, как употребление ласковых обращений среди руководства, особенно при совершении директивных РА: «Ну, ладно, котик, завтра созвони/мся?»; «Пушок, надо еще внутренний прика/з сделать»; «Зай, распеча/тай последний вариант анкеты, пожалуйста». Употребление ласковых обращений между коллегами является примером локальной нормы, которая может показаться новому члену коллектива необычной. Только в женской группе зафиксировано интонационное оформление РА с императивом с помощью ИК-3, которое делает его смягченным по сравнению с прямым указанием.

К другим стратегиям вежливости, используемым в этом коллективе, в отличие от мужского, относятся похвала (например, в процессе убеждения: «Машечка – наша звездочка») и эксплицитная апелляция к гендерной идентичности («все как девочки»).

Для побуждения собеседника к действию не обязательна словесная формулировка: задача может быть заранее известна адресату или понятна из контекста, так что порой достаточно лишь приблизиться к адресату или посмотреть на него. Для вовлечения человека в деятельность используются жестовые и мимические средства, зрительный контакт, а также перемещение участников, конкретные движения (например, начальница принесла и положила перед подчиненной бейдж и шарфик).

Взаимодействие с клиентами (и в их присутствии) характеризуется меньшей долей спонтанности, употреблением отработанных шаблонов со стандартными просодическими характеристиками. При этом и здесь есть место вариативности, шутке и демонстрации солидарности:

34.О: здравствуйте/

35.Х: здравствуйте *(запыхавшись)*

36.О *(улыбается)*: ничего страшного/ как вас зовут?

37.Х: Аня

38.О: *(ищет имя в списке)* которая, видимо, какая? без фамилии?
(усмехается)

39.А: 8921*****

40.О: да. фамилию ска/жете, Анечка?

41.А: ***ва.

42.Д: прекрасно. держите буклетик и проходите в большой класс. там можно раздеться. (показывает, куда проходить)

Успокоив клиентку («Ничего страшного», с восходящей интонацией и улыбкой), администратор запрашивает ее имя для регистрации (36), а затем фамилию (38). Не получив нужного ответа, администратор повторяет просьбу в форме конвенционально косвенного РА (40), смягчая его обращением по имени с диминутивным суффиксом. Затем второй администратор дает инструкции в форме прямых РА, сопровождая их приглашающими жестами и пояснением (42). Хотя именно для взаимодействия с клиентами более характерна формальная, негативная вежливость (включая общение на «вы»), она часто сочетается со стратегиями позитивной вежливости.

Во время общения с новыми клиентами или другими посетителями (например, с членами комиссии) сотрудники компании X. выступают как одна команда: их статусы выравниваются на некоторое время и в коммуникации ярче проявляется общая идентичность.

Все случаи отмеченной грубости (те, которые стали поводом для обсуждения и обиды) в компании X. связаны с директивами, полученными по электронной почте, от тех, кому по статусу «не положено» приказывать. При этом, цитируя письмо, говорящий нередко пародирует наглость тона, таким образом выражая свою оценку, например: «Вчера в ночи письмо: “Дарья, значит, мы готовы продолжить, ждем квитанцию на пять занятий. Спасибо”. Я сначала хотела ОТВЕТИТЬ, ну, хотя бы “спасибо” в конце сказала». Автор письма не использует лексико-грамматические средства смягчения в целях экономии времени, стараясь писать «по делу». Однако такое письмо воспринимается как невежливое: как заметил один из получателей вполне нейтрального письма, оно «написано *таким* тоном». В устной речи прямой РА без лексико-грамматических смягчения при определенной интонации проходит незамеченным, но в случае электронного общения аналогичные фразы могут быть прочитаны как невежливые.

Таким образом, стратегии вежливости, используемые в спонтанном взаимодействии групп людей с относительно схожим социальным положением, достаточно сильно отличаются. Описаны локальные нормы взаимодействия в

каждом коллективе: в частности, среди руководства компании X. принято употребление ласковых обращений, а для коммуникации в мужском коллективе характерно подтрунивание друг над другом и употребление ненормативной лексики. При этом новый сотрудник, не зная о таких нормах взаимодействия, может их неправильно интерпретировать, в том числе как бестактность или грубость. Кроме того, в каждом коллективе отличается организация рабочего процесса и, соответственно, набор типовых ситуаций, в которых оказываются участники. В то время как некоторые форматы взаимодействия, описанные для обеих групп, представляются скорее универсальными (например, зачитывание списка), другие являются характерными только для одной из них: в частности, для мужской – состязание в шутках и саркастическое отчитывание подчиненного. Межличностное взаимодействие, организованное по определенным общим правилам, имеет особенности в группах людей, общающихся регулярно и часто вырабатывающих свой коммуникативный стиль и поведенческие практики.

Во взаимодействии актуализируется часть сложной социальной реальности. Анализ спонтанного речевого материала показывает, какие аспекты контекста оказываются релевантными в конкретном случае: принадлежность к одной группе, институциональность дискурса, тип ситуации, в том числе ее особая «опасность» для СЛ участников, статусное соотношение собеседников, наличие свидетелей разговора (особенно клиентов или руководителей), совместная неречевая деятельность и т.д. Чем детальнее рассматривается материал, тем больше значимых факторов, влияющих на реализацию директивных РА, попадает в поле зрения исследователя.

Интеракционный подход позволяет представить картину реализации директивного РА во всем богатстве и рассматривать побуждение к действию как совместный процесс, в котором принимают участие все собеседники. Поддержание СЛ участников осуществляется как с помощью языковых средств, в той или иной степени осознаваемых носителями (включая набор готовых структур для каждого действия), так и через совместную деятельность собеседников, в чем-то упорядоченную, а в чем-то достаточно непредсказуемую. Благодаря выбранному подходу в работе стало возможным изучение вежливости

на уровне сиюминутной деятельности, организация которой отчасти обусловлена заботой о СЛ участников.

В **Заключении** сравниваются и обобщаются результаты анализа материала, собранного в двух рабочих коллективах, а также формулируется теоретический вклад в модель описания вежливости: помимо собственно языкового аспекта, предлагается выделять интеракционный, включающий особенности организации диалога, через которые проявляется совместная работа участников по поддержанию СЛ.

Обозначения, используемые в транскрипции:

.	Законченность синтагмы и пауза, аналогичные завершенности повествовательного высказывания.	
,	Завершенность синтагмы и небольшая пауза.	
(1.3)	Пауза более одной секунды с указанием длины паузы.	
си:льный	Растягивание звука.	
РУЧЕЧКОЙ	Увеличение громкости.	
Здравствуйте/	Восходящая интонация (отмечается в некоторых случаях).	
? распеча/тай	Интонация вопроса; в некоторых случаях указывается центр тона ИК-3 (знак ставится после ударного гласного).	
Сергеа!	Интонация восклицания.	
<твой>?	Ироническая интонация.	
Е: ну хорошо= К: =ну просто интер-два не си:льный	Смена очереди, когда одна реплика сразу же без паузы следует за другой.	
[<вот он. лежит. вот он лежит на столе> Е: да, я еще буду маркировать	Начало одновременного говорения.	
(Е. смеется)	Описание ситуации и различных невербальных действий.	
хорошо	Слова произносятся тише по сравнению с предшествующими.	
(нрзб)	Часть слов произносится неразборчиво.	
бл*	Нецензурное выражение.	

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

I. Работы, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ:

Аверьянова Е. А. Реализация просьбы в русском, английском, французском и албанском языках: сравнительный анализ // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2008. Т. IV. Ч. 2. С. 9–11.

Руднева Е. А. Рец. на кн.: Dániel Z. Kádár, Michael Haugh. *Understanding Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 295 p. // *Антропологический форум*. 2015. № 27. С. 214–221.

Руднева Е. А. Антропология вежливости: общекультурные и локальные нормы взаимодействия // *Антропологический форум*. 2016. № 30. С. 215–242.

Руднева Е. А. Рец. на кн.: В. Pizziconi, М. А. Locher *Teaching and Learning (Im)Politeness*. Boston: De Gruyter Mouton, 2015. 272 p. // *Антропологический форум*. 2016. № 31. С. 278–289.

II. Работы, опубликованные в других изданиях:

Руднева Е. А. Намек как стратегия вежливости в спонтанном взаимодействии // *Proceedings of the 45th International Philological Conference (IPC 2016)* / ed. by S. Monakhov, I. Vasilyeva, M. Khokhlova. Amsterdam – Paris: Atlantis Press, 2017. P. 458–461. (= *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Vol. 122).